

ТРАДИЦИИ ИЗУЧЕНИЯ БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ОТНОШЕНИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ АРМЯНСКОГО ЯЗЫКА

Доктор филол. наук Л. А. САРАДЖЕВА

Балто-славянская языковая проблематика, являясь традиционной, не сходит с повестки дня в течение всей истории развития индоевропеистики, балтистики и славяноведения. Особый характер взаимоотношений между балтийской и славянской языковыми группами создает большие сложности и ставит ряд дискуссионных проблем¹. В основном можно указать на следующие точки зрения относительно связей между балтами и славянами: 1) существование балто-славянского праязыка (А. Шлейхер); 2) независимое параллельное развитие близких балтийских и славянских диалектов (А. Мейе); 3) вторичное сближение балтийских и славянских языков (Я. Эндзелин); 4) древняя общность, затем длительный перерыв и новое сближение (Я. Розвадовский); 5) образование славянского языка из периферийных диалектов балтийского (В. В. Иванов, В. П. Топоров и др.).

Близость славянских и балтийских языков, бесспорно, велика. Это в значительной мере способствовало тому, что исследователи при реконструкции балто-славянских языковых связей выдвигали проблему соотношения моделей двух языковых систем и возможности сведения их к одной модели (Иванов, Топоров, Мартынов и др.). Не отрицая правомерности постановки такой проблемы, следует однако заметить, что теории как «балто-славянского единства», так и «производности славянской модели из балтийской» могут объяснить только часть фактов: не учит характера того пространственно-временного континуума, каким могла быть доисторическая языковая общность или сообщество, не учит своего рода «непрерывности» перехода от диалекта к диалекту неизбежно таит опасность упрощения проблемы и обеднения вероятной картины взаимоотношений балтов и славян.

Подвергая критике сторонников идеи о производности славянской модели из балтийской, О. Н. Трубачев заключает, что балто-славянскую дискуссию следует настойчиво переводить из слишком абстрактных сопережений в «равноценности» балтийского и славянского, в «одинаковом» количестве шагов, сделанных одним и другим, в план конкретного сравнительного анализа форм, этимологий слов и имен.

Точку зрения О. Н. Трубачева подтверждает и Ф. Р. Адрадос, констатируя, что балтийский и славянский отделились к одной области индоевропейского языка, но представляли собой разные диалекты². Определенные изоглоссы индоевропейского языка позднего периода не достиг-

¹ Разнообразие взглядов и мнений по этому вопросу освещается в ряде основных концепций, которые были выделены О. Н. Трубачевым. См.: О. Н. Трубачев. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики. Славянское языкознание.—IX Международный съезд славистов. Киев, сентябрь, 1983, с. 238.

² F. R. Adrados, Les langues slaves dans le contexte des langues indoeuropéennes.—Сопоставительно языкознание. София, 1980, т. 5, кн. 4, с. 13—15.

ли ни славянского, ни балтийского, некоторые другие—дошли до славянского, но не до балтийского; оба языка проявили себя по-разному в отношении других, менее широко распространенных изоглосс. Общность между славянскими и балтийскими языками во многих случаях объясняется как вторичная.

Очень важно, что у этих двух групп языков не так много общих лексических элементов в области абстрактных социальных понятий, особенно мало общей сакральной и мифологической лексики, заметны и лакуны в таком важном разделе словаря, как ландшафтная лексика.

Неучет данных других индоевропейских языков, например, армянского, как увидим ниже, нередко приводит к ошибочным результатам в определении характера изоглосс: это касается таких работ, как «Балто-славянский словарь» Р. Траутмана³, «Западно-балтийский субстрат праславянского языка» В. В. Мартынова⁴.

По нашему мнению, наиболее близко подошел к проблеме балто-славянских языковых отношений Ян Розвадовски, который еще в 1912 г. очертил весь ход процесса балто-славянских контактов и их нарушений, этапы связей этих языковых групп. Нарушение контакта привело, по мнению Розвадовского, к тому, что предки балтов и славян попали в очень разные природные и культурные условия, имели культурное и языковое взаимодействие с разными соседями, ассимилировали разные иноязычные племена и самостоятельно изменяли территорию своего расселения. Это мнение, как мы увидим ниже, подтверждается обзором армяно-балтийских и армяно-славянских связей.

Вывод из этой преамбулы напрашивается сам собой: многие спорные вопросы, накопившиеся в балто-славянском языкознании, возможно разрешить, лишь выходя за традиционные рамки балто-славянских языковых отношений. Иными словами, необходимо взглянуть на балто-славянские связи шире, как на одно из проявлений ареальных связей внутри индоевропейского, путем интенсивного исследования взаимоотношений как балтийских, так и славянских языков с другими языками индоевропейской семьи. Таким полем для внешнего сравнения по ряду причин следует признать наличие многосторонних связей между армянским, преческим и славянским, с одной стороны, и армянским, славянским и балтийским—с другой. К сожалению, узко исследовательские интересы пока не дают возможности получить адекватную картину соотношения, вытекающего из всестороннего сопоставления комплекса данных.

Поскольку, по общепринятому мнению, первыми выделились из состава индоевропейской глоттофорной общности анатолийский, затем армянский, преческий и индо-иранский, есть основание считать общиндоевропейскими те явления, которые присущи по крайней мере одному из этих языков и какому-либо другому индоевропейскому. В связи с этим данные армянского языка, особенно в последнее время, рассматриваются в качестве ценнейшего источника для реконструкции общиндоевропейского состояния⁵.

Лексические сходства армянского и славянского, с одной стороны, и армянского и балтийского—с другой, концентрирующиеся в такой сфере как «физический мир», относящейся по праву к наиболее древнему слою лексики, выявляют следующий комплекс данных: 1) армяно-славянские параллели, не разделяемые балтийским; 2) армяно-балтий-

³ R. Trautman. Baltisch-slavisches Wörterbuch. Göttingen. 1923.

⁴ В. В. Мартынов. Западно-балтийский субстрат праславянского языка.—

II конференция по балто-славянскому языкознанию. М., 1983, с. 32—34.

⁵ Э. А. Макаев. Общая теория сравнительного языкознания, М., 1977, с. 4.

ские параллели, не разделяемые славянским: 3) армяно-балто-славянские параллели, разделяемые и некоторыми другими языками; 4) односторонние армяно-балтийские параллели.

Вот некоторые примеры в самом конспективном изложении.

1) Армяно-славянские параллели, не разделяемые балтийским: арм. *yeł* „сырой, влажный; сырость, влага“—прасл. **zidbkb* „жидкий“; арм. *t'at'y:cl* „погружать, окунать“, *tawn* (<**tarp-ni*) „ливень“—прасл. **tořiti* „толпить, погружать (в воду)“, **topnb*, **u:pn'a* „болото“; арм. *sur p'* „зыбь“—прасл. **zybb*; арм. *'barj:* „высокий“—прасл. **berzb* „берег“ (реки, озера, моря и т. д.), (данная изоглосса относится к общиндоевропейской эпохе, охватывая также индо-иранский, кельтский, германский, хеттский и тохарский, но не представлена в балтийском); арм. *karkui* „град“—прасл. **gradb*, лат. *grando* и др.

2) Армяно-балтийские изоглоссы, не разделяемые славянским: арм. *derbuk* „трудный, жесткий, грубый; неровное, каменистое, ухабистое место“—лит. *dirbù, dirbti* „работать“, др.-англ. *deorfan* „работать, погибать, гибнуть“; арм. *ruł* „падение, обвал“—лит. *pùlti*, лтш. *pult* „падать, рушиться“, др.-сев. *falla* „падать“; арм. *kalal* „берлога, нора“—лит. *kuolas* „место ночлега человека или животного“, др.-шв. *kolbei* „гнездо“; арм. *jug* „вода“, прус. *iuglō* „море“, лит. *iuga*, лтш. *iuga* „море“, фрак. *Juga-*—название реки; арм. *oys* „холодный“, лит. *aušti* „становиться холодным“, лтш. *aukšis* „холодный“, др.-ирл. *ocht* „холод“.

3) Армяно-балто-славянские параллели, разделяемые в ряде случаев и некоторыми другими языками: арм. *hup* „брод“,—прус. *pintis* „путь“, прасл. **rōlb* „дорога, путь“ при лат. *rōns* „мост, тропинка“, греч. *πόρος* „море“, др.-инд. *rāthaz-* „тропа, дорога“; арм. *ezr* „край, граница“—рус. *сз* „часть реки“, общесл. **jezero* „озеро“, лит. *ežė* „граница, межа“, лтш. *ež:* „межа“, прус. *a-y*, арм. *sarh* „лед“, прасл. **sernb* „ранний снег“, лит. *širma* „иней“, лтш. *sernis, sarma* „иней, гололед, наст“, др.-исл. *hjárn* „смерзшаяся масса снега“; арм. *hur* „огонь“—прус. *rapno* „огонь“, прасл. **rūda* „раскаленный пепел, зола“, греч. *ῥῆ* „огонь“, др.-сев. *hurr* „огонь“, хетт. *raḥhur*; арм. *lusin* „луна“—прус. *lauxnos* „светила“, прасл. **luna*, лат. *luna*; арм. *hetel* „наводнение“—лтш. *p li* „наводнение“, прасл. **pola voda*; арм. *loys* „свет“—прус. *luckis* „полено“, прасл. **lucb* „свет“, лат. *lux* „свет“.

4) Особую группу составляют односторонние армяно-балтийские изоглоссы: арм. *hup* „брод“—прус. *pintis* „путь“, при лит. *kēlias*; арм. *hur* „огонь“—прус. *rapno* при лит. *ugnis*, лтш. *uguns* арм. *lusin* „луна“—прус. *lauxnos* „светила“ при лит. *dangaūs, švesulys* „светила“, *menūlis* „луна“; арм. *alj* „туман“—прус. *aglo* „дождь“ при лит. *lietus* „дождь“; арм. *hetel* „наводнение“—лтш. *palī* „наводнение“ при лит. *pótvėnis* в том же значении.

К этой же группе, возможно, относится и арм. *erkir* „земля“—лит. *erdvė* „пространство“⁷.

⁶ Этимология принадлежит автору. См. Сб. Этимология 1976. М., 1978, с. 64—66.

⁷ Этимология принадлежит автору (в печати).

Характерно, что все эти примеры относятся к числу индоевропейских архаизмов, в ряде случаев обозначающих особенности рельефа, сезонные изменения в природе, атмосферные явления и т. п.

Ареальное рассмотрение связей как армянского с балтийским, так и армянского со славянским сулит наиболее существенные результаты: имеются в виду древние диалектные связи в раннем по своим истокам контексте взаимоотношений в эпоху общности в их пространственно-временной соотнесенности.

Анализ лексических связей армянского со славянским и балтийским приводит к следующим выводам.

1. Можно утверждать, что славянский существовал как самостоятельный индоевропейский диалект, являясь равноправным партнером с армянским и другими диалектами, не являясь диалектом общебалтийского или прабалтийского.

В связи с этим следует рассматривать балто-славянские отношения в общем ряду таких отношений, как армяно-славянские, германо-славянские, латино-славянские, ирано-славянские и т. д., допуская, безусловно, более тесные связи между обеими языковыми группами, обусловленные историческими условиями существования. Как славянский, так и балтийский представляют собой оригинальные диалектные модели, непосредственно продолжающие индоевропейскую модель. Естественное стремление исследователей привести данные сравнения как славянской, так и балтийской моделей к единым формулам, уводит от реального многообразия, поэтому необходимо обратить особое внимание на вариативность моделей и их реализаций в пространстве и времени, учесть территориальное, социальное и хронологическое варьирование языковых фактов. Следует строго различать отношения праязыковых моделей к соответствующим моделям родственных языков, с одной стороны, и к их реализациям — с другой. При несоблюдении этого требования могут возникнуть нежелательные последствия, а именно, ошибки в оценке генетической близости языков⁸.

2. В эпоху раздельного существования балтийский и славянский представляли собой территориально близкие, но самостоятельные языки, на взаимоотношения которых влияли исторические условия, в особенности миграции, субстрат и другие причины.

3. Наличие односторонних армяно-балтийских изоглосс является аргументом против существующего мнения о монолитности самого «общебалтийского» и свидетельствует об условности его выделения. Это открывает перспективы для дальнейшей конкретизации лингвогеографических связей армянского и отдельных балтийских диалектов. Отдельные балтийские диалекты унаследовали различное количество общеиндоевропейских и ареальных изоглосс, что обусловлено неодинаковыми контактами с разными языковыми группами и языками, влиянием разного субстрата, самостоятельным изменением территории своего расселения и т. д. Интересно отметить то обстоятельство, что армяно-пруссские изоглоссы, не разделяемые литовским и латышским, как правило, разделяются славянским (ср., к примеру, арм. *hup*, прус. *rintis*, прасл. **rotb*). Это подтверждает, по нашему мнению, точку зрения Б. В. Горнунга о первоначально более тесных контактах «протопрусов» и «протославян» вплоть до эпохи, условно называемой «балто-славянской», во время кото-

⁸ Ср.: Г. Б. Джаукян. О понятии модели в сравнительном языкознании. Тезисы доклада на Всесоюзной конференции «Теория лингвистической реконструкции». М., 11—13 января 1988, с. 32—33.

рой протопруссы были втянуты в более тесные контакты с летто-литовскими племенами⁹.

4. По нашему мнению, приведенные данные представляют интерес не только для истории армянского, славянских и балтийских языков, но и для теоретических построений индоевропейского сравнительного языкознания в целом, в особенности для ареальной лингвистики. Исследование балтийских и славянских изоглосс, разделяемых с армянским, а также греческим, индо-иранским и хеттским, предоставляет важный материал для раскрытия наиболее раннего диалектного членения индоевропейской общности.

ՐԱԼԹԻԿ-ՍԼԱՎՈՆԱԿԱՆ ԼԵՁՎԱԿԱՆ ՀԱՐԱՔԵՐՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ
ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՄԱՆ ԱՎԱՆԴՈՒՅԹՆԵՐԸ ԵՎ ՀԱՅԵՐԵՆԻ ՊԱՏՄԱԿԱՆ ՏՎՅԱԼՆԵՐԸ

Բաճախիչ. դիմ. դոկտոր Լ. Ա. ՍԱՐԱՋԵՎԱ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Հոգիվոր նվիրված է հայ-բալթ-սլավոնական բառապաշարի զննմանը մի այնպիսի ար-
ևաթիկ ոլորտում, ինչպիսին է Եֆրեյկական աշխարհը: Հայ-բալթ-սլավոնական զուգահեռների
ուսումնասիրման հիման վրա բացահայտվում է տվյալների հետևյալ համայնորը՝

1) Հայ-սլավոնական զուգահեռներ.

2) Հայ-բալթիկ զուգահեռներ.

3) Հայ-բալթ-սլավոնական զուգահեռներ.

4) միակողմանի հայ-բալթիկ զուգահեռներ (հայ-պրոտական, հայ-լիտվական, հայ-լատ-
վիական):

Այսուհետք բերված տվյալները հետաքրքրություն են ներկայացնում ոչ միայն հայերենի,
սլավոնական և բալթիական լեզուների պատմության, այլև բնագիտական հնգեվրոպական հա-
մեմատական լեզվաբանության սեռական կառուցումների համար: Բալթիական և սլավոնական
զուգահեռների ուսումնասիրումը, որոնք բնագիտություն են հայերենի (նույնպես և հունարենի,
հնգ-իրաներենի և իսթերենի) հետ, ներկայացնում է կարևոր նյութ՝ հնգեվրոպական բնագիտ-
բանության ամենավաղ բարդ առաջին մասնատման բացահայտման համար:

⁹ Ср.: Б. В. Горлунг. Из предыстории образования общеславянского языко-
вого единства. М., 1963, с. 97.